

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ
ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5533.

Суббота, 26-го января 1902 г.

№ 5533

Отец и сын.—Король Эдуард VII и его сын принц Узльскій въ костюмахъ шотландскихъ горцевъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Изъ А. Нѣмеевскаго.

(Переводъ съ польскаго для „Од. Нов.“)

Юпитеръ сидѣлъ на вершинѣ Олимпа и думалъ. Передъ нимъ, на западѣ, горѣло солнце, какъ громада, которая скоро потухнетъ, но все еще необъятная, ослѣпительная. Громовержецъ смотрѣлъ на это свѣтило, потомъ скользя взглядомъ по широко раскинувшейся землѣ, по волнистымъ морямъ, по близкимъ миртовымъ рощамъ, откуда доносились до него пугливые голоса нимфъ и тихій звукъ лютни Аполлона. За-

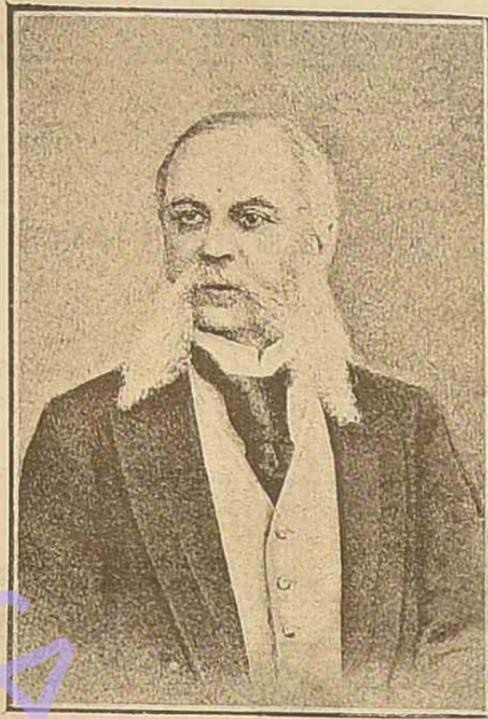
думался Юпитеръ, и вдругъ пересталъ радовать его блескъ солнца, аромат миртовыхъ рощъ и весь складъ жизни олимпийцевъ.

Онъ отвернулъ голову отъ солнца, посмотрѣлъ на небо въ противоположную сторону и насунился. Оттуда выглянуло огромное красное лицо луны, начинавшее приобрѣтать синеватый, ночной блескъ. Солнце зашло. Громовержецъ склонилъ голову на грудь, провель ру-

кой по лбу и впервые почувствовалъ, что рука его дрожитъ. Удивился: потомъ въ глазахъ его сверкнулъ гнѣвъ. Но его ожидала новая неожиданность.

Прежде, когда въ глазахъ его сверкала гнѣвъ, то огонь очей его отражался на небѣ, и люди, среди бѣла дня, видали странные знаки, передъ которыми преклонялись, полные ужаса. Сегодня же огонь его очей налилъ только его рѣсницы. И онъ поспѣшилъ закрыть лицо руками.

Новое чудо!—Прежде, въ минуты, когда онъ закрывалъ лицо руками, днемъ лучи солнца, а ночью тихій мѣсяцъ заволакивались черными тучами. Теперь же мѣсяцъ

Графъ Остенъ-Сакенъ.

чрезвычайный и полномочный посолъ при императорѣ германскомъ. (Къ 50-лѣтію государственной дѣятельности).

продолжалъ лить свой мягкій свѣтъ на землю, смотрѣлъ своими широко раскрытыми глазами прямо въ лицъ громовержца и беспокоилъ его. Некуда было громовержцу отвернуться. Онъ почувствовалъ себя на

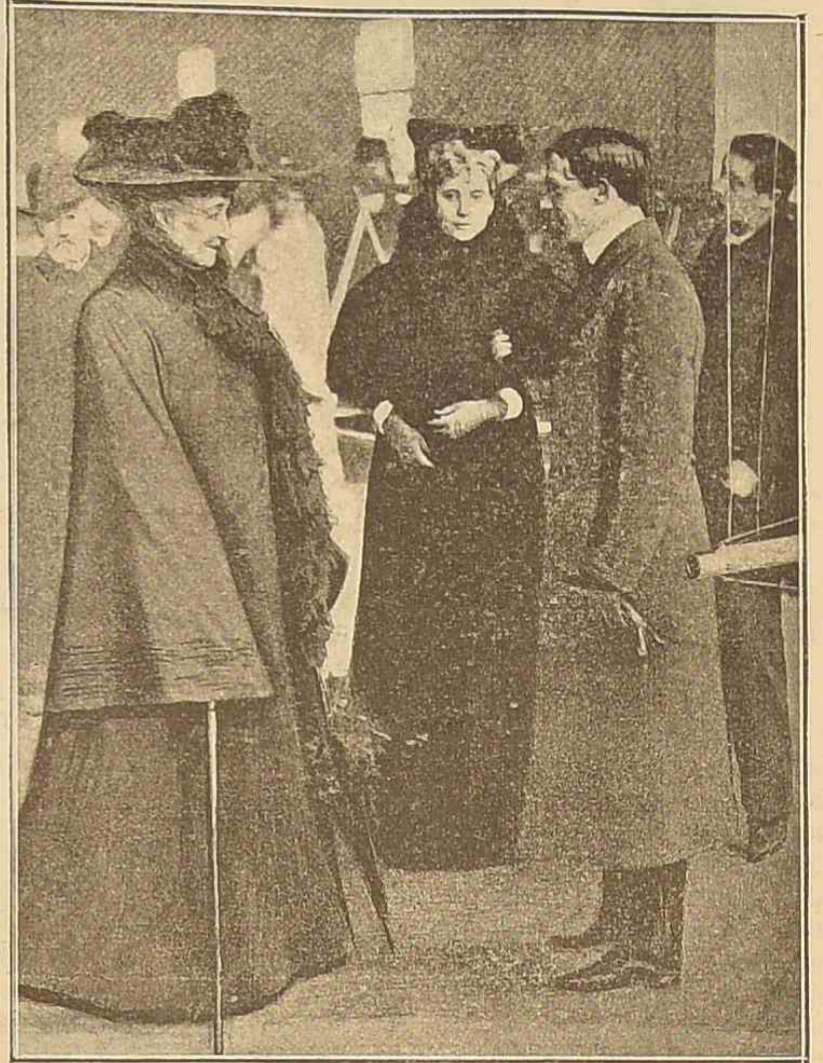
Е. А. Бухтѣва.

(По случаю 25-лѣтней педагогической дѣятельности).

своемъ Олимпѣ совершенно одинокимъ, и одиночество это навѣяло на него ужасную тоску.

Въ эту-же минуту внизу — миртовые рощи огласились громкимъ хохотомъ нимфъ, покрываемымъ смѣхомъ Аполлона. Больно сдѣлалось Громовержцу, печаль наполнила его сердце. Онъ отнялъ руки отъ лица, простеръ ихъ вверхъ къ голубому небесному своду, и сѣрое облако отдѣлило его отъ земли, окружило и окутало. Закрытый этимъ облакомъ онъ пошелъ къ своей святынѣ, и велѣлъ позвать къ себѣ Аполлона.

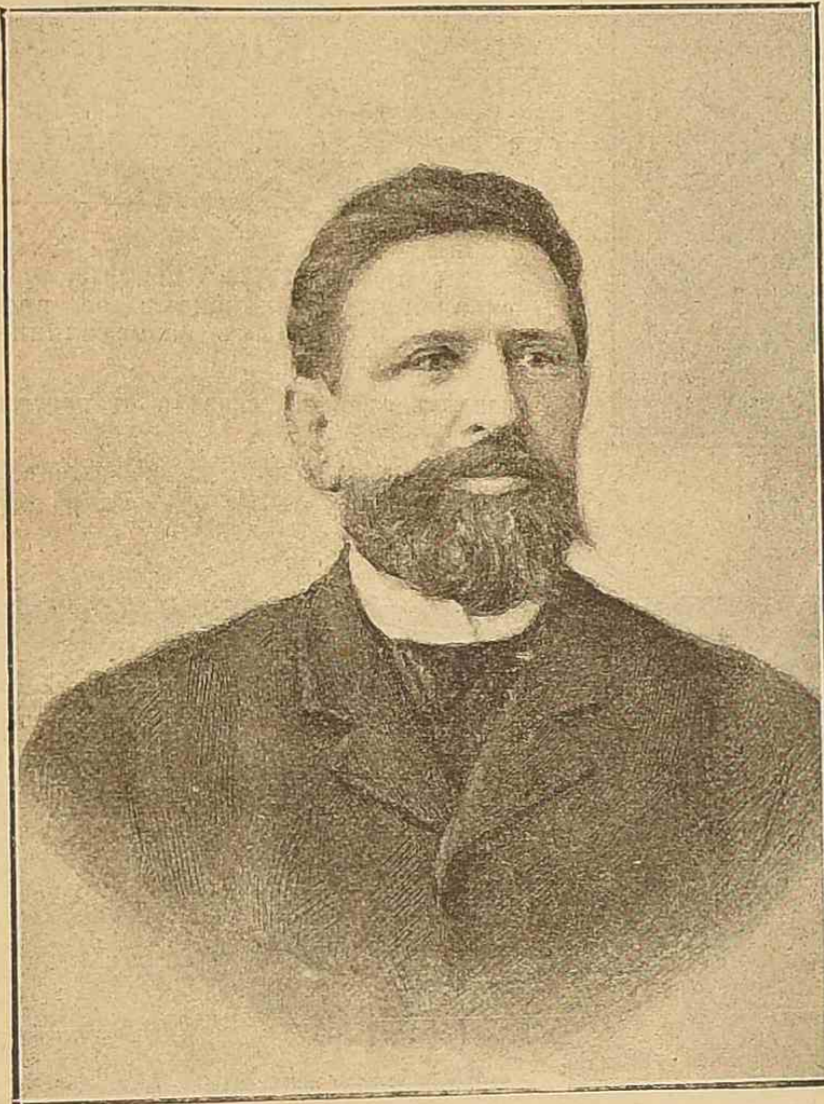
Аполлонъ однако не очень торопился. Съ лютней на колѣняхъ сидѣлъ онъ среди

Ех-императрица Евгенія дѣлаетъ визитъ извѣстному воздухоплателю Сантосъ-Дюмону въ Монако.

лавровыхъ деревьевъ у кастальскаго источника, окруженный играющими нимфами, и громко смѣялся. Говорилъ о Прометѣй, который на горахъ Кавказа, пожиремый орломъ, отбывалъ строгое наказаніе за свое смѣлое вторженіе на Олимпъ, чтобы вырвать у безсмертныхъ божественный огонь и сдать его на употребленіе темнымъ людскимъ массамъ, влачившимъ гдѣ-то тамъ

внизу въ неизвестности свое жалкое существованіе. Нѣкоторые нимфы жалѣли этого смѣльчака, такъ какъ онъ былъ дивно прекрасенъ. Храбрость окружала его ореоломъ чаръ. Какъ приятно было-бы хоть одинъ вечеръ провести съ такимъ храбрцомъ въ этихъ рощахъ, увѣнчать розами его блѣдное чело и любоваться, какъ пек его дрожавшія уста зажгутся жаждой любви. Но храбрецъ, который могъ-бы очаровать всѣхъ нимфъ, влюбить въ себя съ поллюжины богини и вкружить голову даже разсудительной Миневрѣ, убѣждалъ на землю! Убѣждалъ, какъ глупецъ!—Въ время какъ поэты только и мечтаютъ о томъ, какъ бы попасть на Олимпъ, онъ, достигши его недосыгаемой вершины, убѣждалъ какъ мальчишекъ, пугающихся поцѣлу-

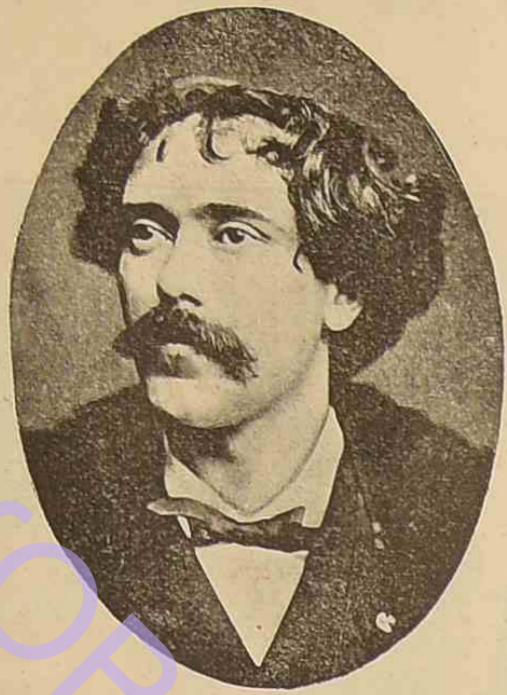
И. В. Мушкетовъ,

геологъ, профессоръ горнаго института.
 † 10 января 1902 г.

Памятникъ Виктору Гюго,

открываемый въ Парижѣ въ день 100-лѣтія со дня его рожденія 13 февраля 1902 г.

Пабло Саразате,
знаменитый скрипачъ
(По поводу предстоящаго концерта въ
Одессѣ).

1 и 2. Князь Борисъ и Александръ Карагеоргиевичи, предки претендентовъ. 3 и 4. Князь Петръ (отецъ) и Борисъ (сынъ) Карагеоргиевичи, нынѣшніе претенденты.

Претенденты на сербскій престолъ.

съ женщиной!—Если-бы онъ остался, то навѣрное упростили-бы, умалили-бы громовержца. Громовержецъ иногда бываетъ податливъ. И, быть можетъ, просивши храбрость, онъ позволилъ-бы ему остаться на Олимпѣ. Но онъ убѣжалъ!—и въ сердцахъ нимфъ не было даже искры сожалѣнія къ этому простофилю, пожираемому теперь орломъ у скалъ Кавказа. Аполлонъ, полагавшій, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ искусства и любви, смѣялся надъ этимъ рыцаремъ и полагалъ, что люди никогда не поймутъ чистой красоты.

Между тѣмъ луна высоко выплыла на небо и, проливая на рощисеребристый свѣтъ ночи, будила божественныя чувства. Аполлонъ всталъ, попросился съ нимфами и пошелъ къ громовержцу.

Тотъ гулялъ между высокими колонами, бросавшими за собой таинственныя тѣни. Блескъ луны облилъ его лицо. Лицо это измѣнилось. Аполлонъ вопросительно посмотрѣлъ на отца, оперся объ одну изъ колоннъ и тихо перебиралъ струны лютни.

Громовержецъ еще нѣкоторое время ходилъ между колоннами, потомъ сразу оста-

новившись передъ Аполлономъ, заговорилъ голосомъ, полнымъ гнѣва:

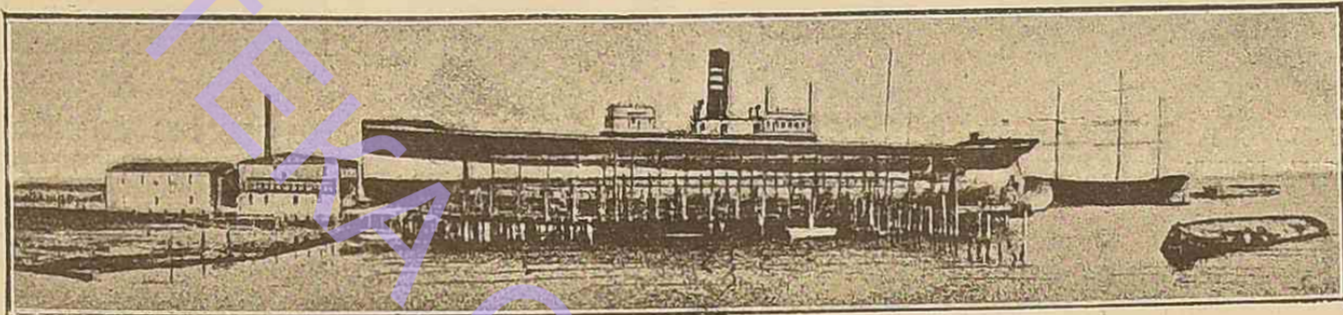
— Гдѣ Минерва?

— Разсудительная Минерва на свиданьи

— А ты что дѣлаешь?

— Чередую любовь съ музыкой.

Голова громовержца затряслась; его давилъ горькій смѣхъ. Лицо его искривилось

„Рейнгольд“, яхта, построенная для императора Вильгельма въ Соед. Штатахъ, къ спуску которой въ Америку ѣдетъ принцъ Генрихъ Прусскій.

съ Марсомъ.

— А Психея?

— Психея у Терпсихоры. Разучиваю какой-то новый танецъ.

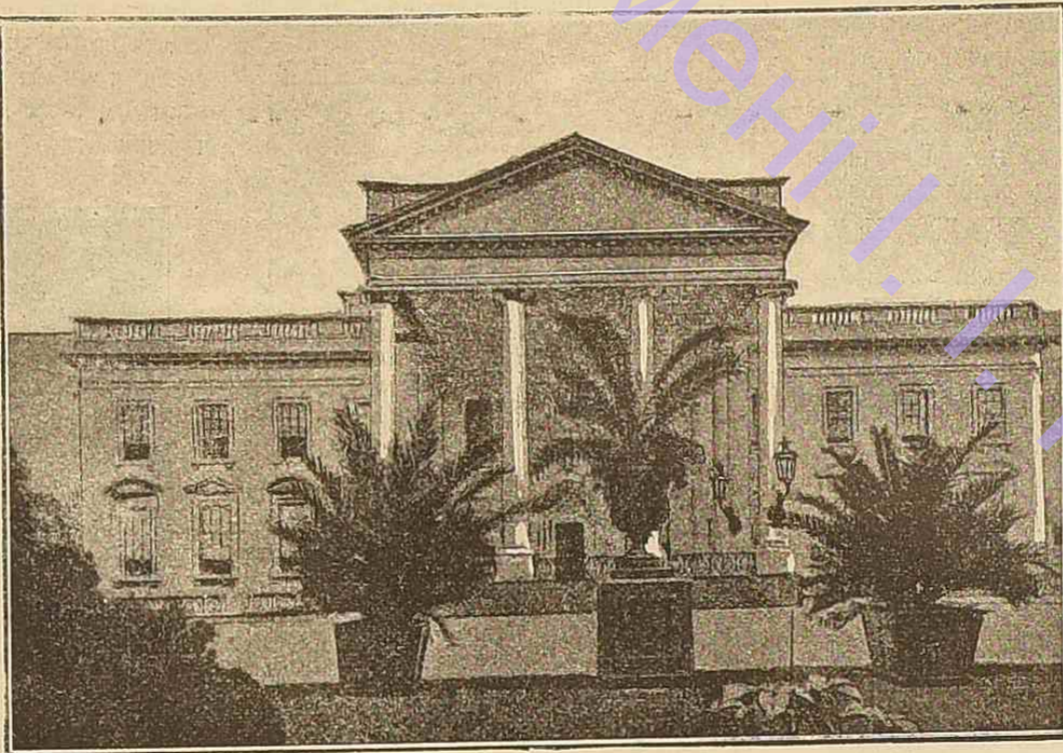
и такъ приблизилось къ лицу сына, что тотъ принужденъ былъ отодвинуться, и, поникнувъ челомъ, пересталъ перебирать струны лютни.

— Не я дѣлаю изъ нихъ героевъ, они сами становятся героями. Только что Гермесъ прибылъ съ земли и донесъ мнѣ, что какой-то молодецъ, во главѣ большой толпы, напалъ на твои алтари, Аполлонъ, перевернулъ ихъ и кричитъ, что на ихъ мѣсто слѣдуетъ поставить алтари Прометею. Что скажешь на это?

Аполлонъ поблѣднѣлъ, но затѣмъ сразу

Бурскій генераль Вильенъ,
послѣ трехъ поражений, нанесенныхъ имъ англичанами, ваятый ими въ плѣнъ.

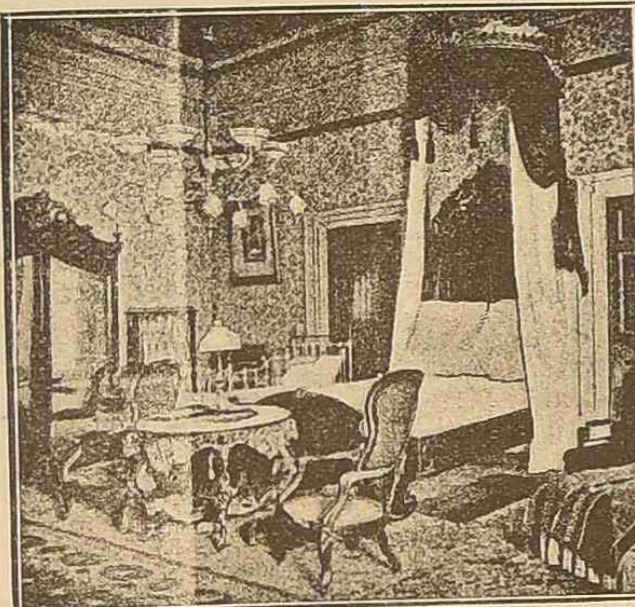
„Бѣлый домъ“ въ Вашингтонѣ, резиденція президента Рузвельта.

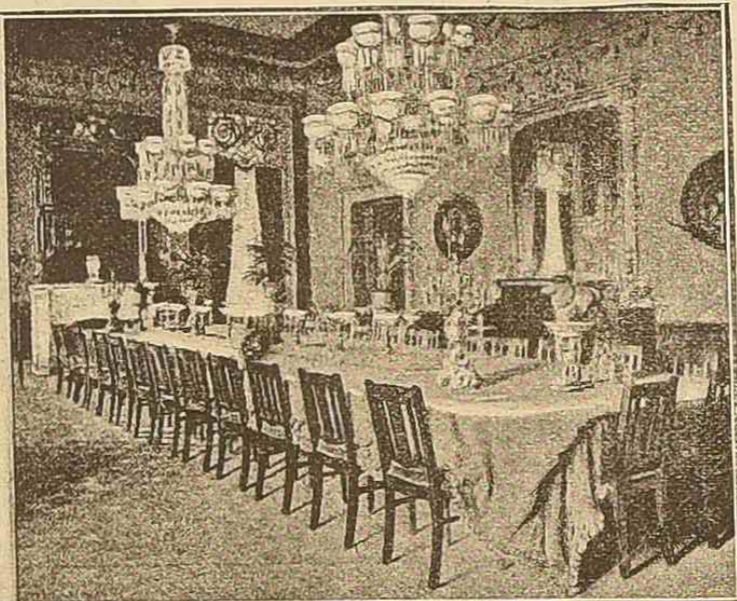
Бурскій генераль Шеперсъ,
схватенный англичанами во время болѣзни и больнымъ разстрѣлянный.

овладѣлъ собой и сказалъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Вѣришь, я тебѣ, громовержецъ, долженъ спросить, что ты скажешь на это?

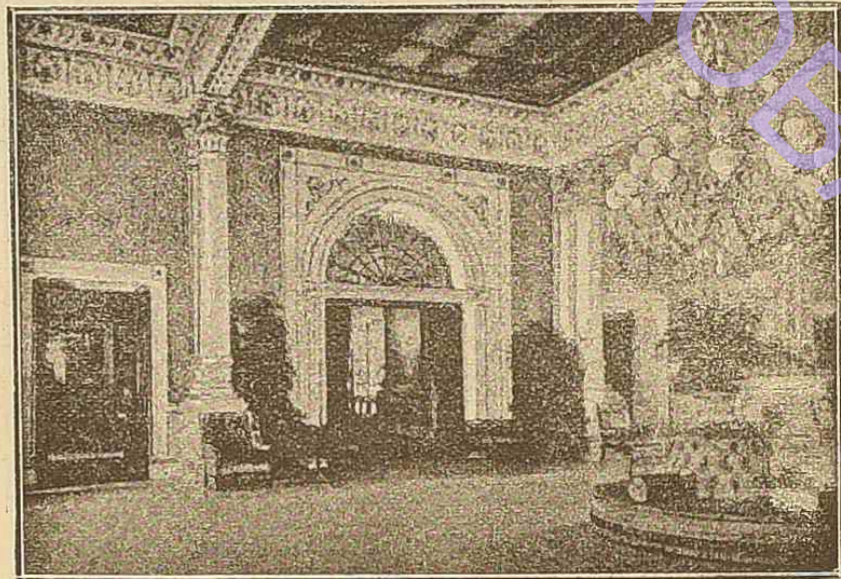

Спальня Рузвельта.

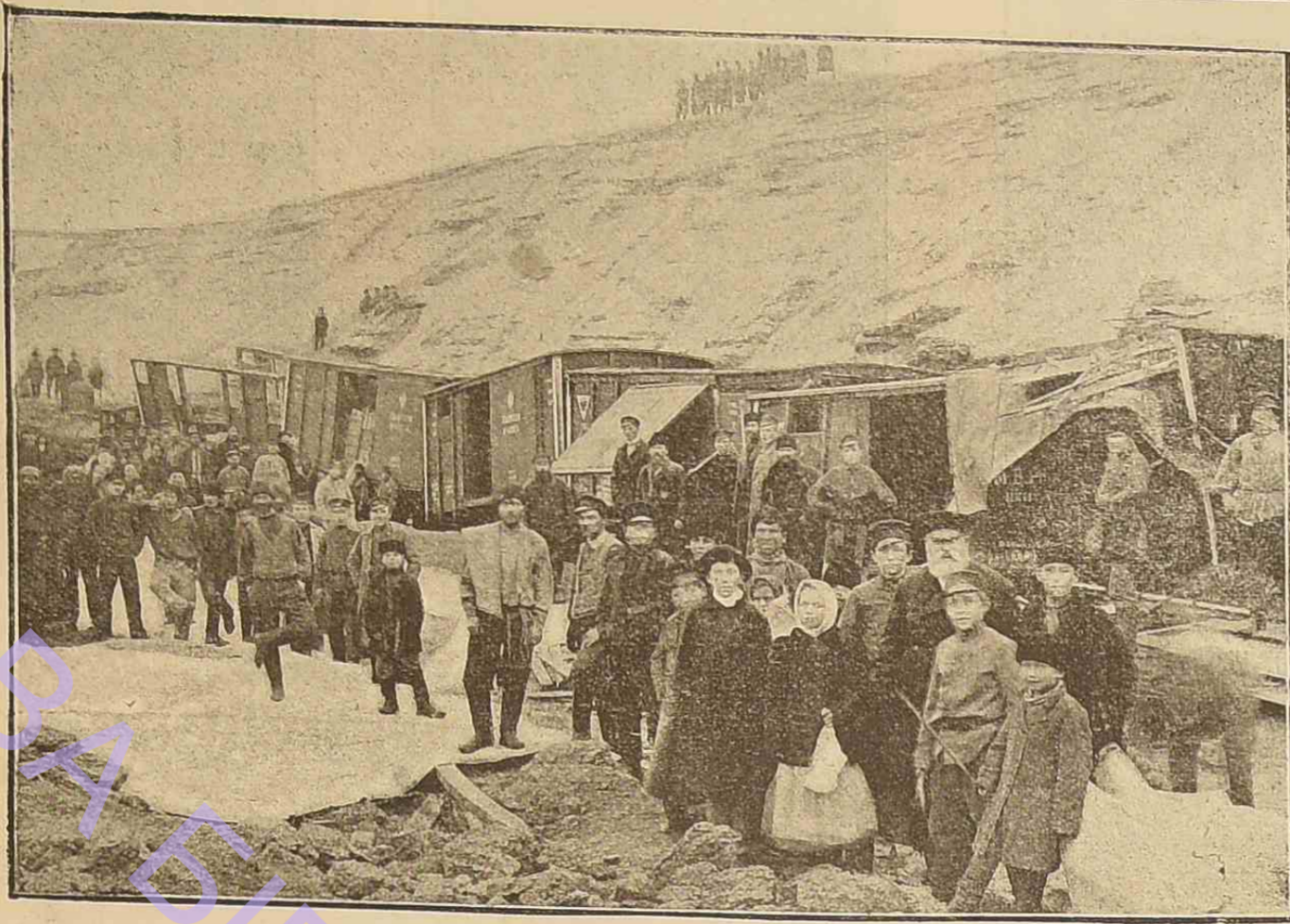

Президентская столовая.

Въ „Бѣломъ домѣ“ въ Вашингтонѣ.

Входъ въ частныя апартаменты президента.

Жельзнодорожная катастрофа на ст. Тирасполь 17 января с. г.

— Неужели я должен больше заботиться о слѣдующихъ тебѣ почестяхъ, чѣмъ ты, Аполлонъ?—спросилъ громовержецъ.

— Въ такомъ случаѣ я перестаю цѣлѣ —спокойно отвѣтилъ Аполлонъ.—Съ этой минуты для меня существуетъ только Бахусъ и Амуръ.

Громовержецъ нахмурилъ брови. Изъ-за колонны показалась фигура Гермеса. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣловая скала, пугливо озирался вокругъ, а на лицѣ видна была усталость отъ трудовъ и развлеченій путешествія по землѣ; Сѣрая пыль покрывала еще его крылья и ноги до самыхъ коленъ.

— Говори!— коротко сказалъ громовержецъ.

Аполлонъ вопросительно посмотрѣлъ на Гермеса. Мѣсяцъ проливалъ синій блескъ на колонны и серебрялъ листья деревьевъ. Гермесъ заговорилъ:

„Я былъ на землѣ и видѣлъ толпы людей, ведущихъ образъ жизни совершенно неизвѣстный для большинства боговъ. Толпы проходили по городамъ съ свѣтильниками въ рукахъ и кричали: вѣтъ боговъ на Олимпѣ, тамъ только тѣни! Богъ Олимпа —это пыльный Бахусъ и развратный Аполлонъ! Свергнемъ же ихъ алтари, потому что мы пьяны только нашими слезами, а развратничать намъ приходится только съ нашими несчастьями! Свергнемъ алтари Бахуса и Аполлона, и поставимъ алтарь тому, кто далъ намъ въ руки эти горящіе свѣтильники!“

Посланникъ боговъ смолкъ, а громовержецъ шепнулъ Аполлону:

— Куда-же ты дѣнешься съ Бахусомъ сладкій Аполлонъ?

Аполлонъ позеленѣлъ, но продолжалъ хранить упорное молчанье. Гермесъ продолжалъ:

„Толпы подняли свѣтильники надъ головами. Изъ толпы выдѣлился какой-то человекъ и сталъ кричать, что слѣдуетъ сейчасъ-же взобраться на Олимпъ, свергнуть боговъ и, освободивши Прометей отъ клюва прожорливаго орла ввести его на ихъ мѣсто. Толпы отвѣтили на это крикомъ, полнымъ энтузіазма. Со всѣхъ городовъ стекались массы пекарей, фабрикантовъ тушикъ и сандалій, каменотосовъ. Они вели съ собою швейекъ, которыя громко говорили объ интимныхъ отношеніяхъ между Минервой и Марсомъ, утверждая, что въ ихъ пяткѣ больше ума чѣмъ въ головѣ Минервы и что Прометей во сто разъ храбрѣе престарѣлаго Марса. Толпы окружали швейекъ почтениемъ, а хлѣбопеки называли ихъ Афродитами. Кто-то крикнулъ, что по дорогѣ слѣдуетъ разрушить святилища Аполлона, такъ какъ онъ нигде не годится: единственнымъ пѣвцомъ вѣка является Прометей, что каждый поступокъ его—это пѣсни, а муки—это его гимнъ“.

Громовержецъ шепнулъ Аполлону:

— Куда-же дѣнешься ты, сладкій Апол-

лонъ, съ твоей лютной?

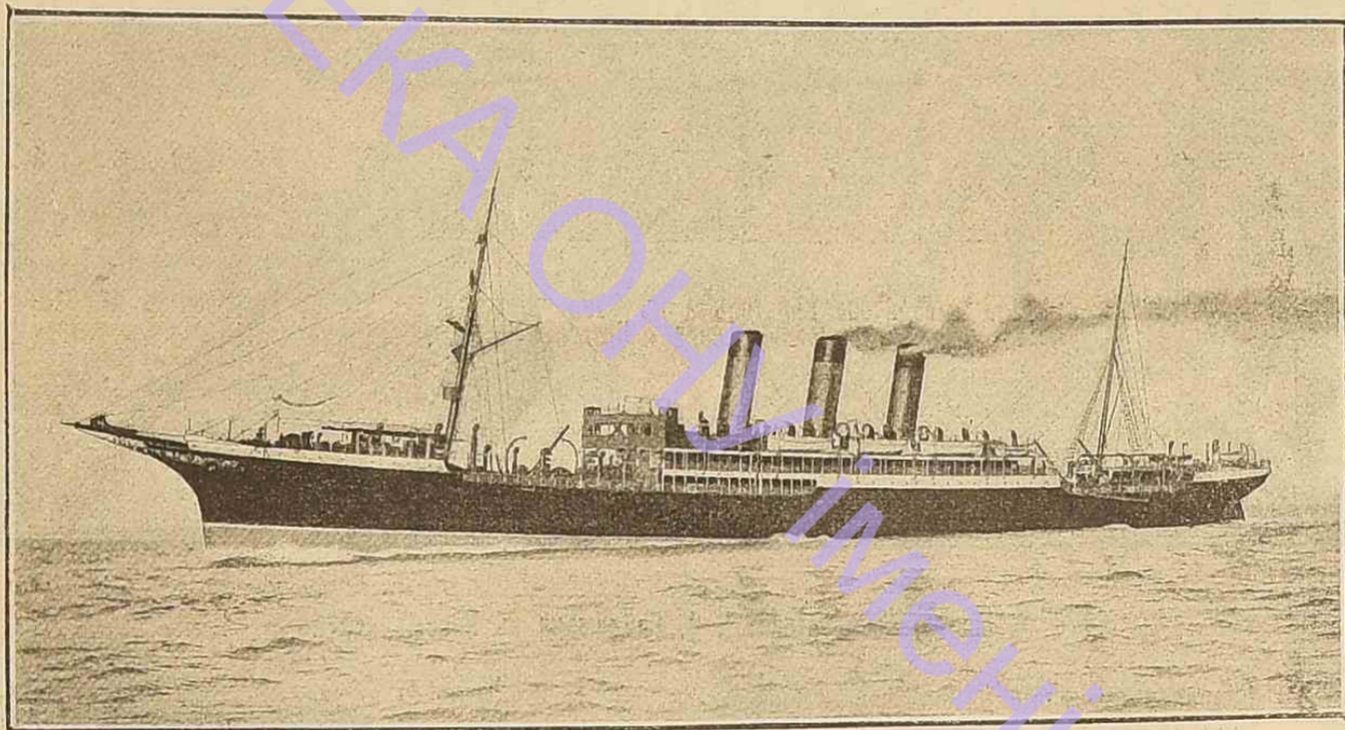
Аполлонъ молчалъ, но благородныя черты его лица такъ искривились, что онъ казался прямо некрасивымъ. Гермесъ, между тѣмъ, продолжалъ свой разговоръ:

„Въ толпѣ потянулся новый ораторъ. Онъ

кажется, что и теперь долетаютъ сюда снизу крики людской толпы“.

Умолчъ. Вѣ вътроемъ стали прислушиваться.

Глубоко, гдѣ то очень глубоко, подъ ночнымъ мракомъ, бушевала людская буря,

Новый пароходъ Добровольнаго флота „Смоленскъ“, на-дняхъ отправившійся на Дальній Востокъ.

кричалъ, что Прометей выше Геркулеса, потому что послѣдній въ концѣ концовъ плѣнила Деянира, а Прометей слѣлъ къ красотѣ богинь. Швейки начали пѣвать, что у богинь подкрашены глаза. Толпы зарычали какъ стада бѣшеныхъ буйволовъ. Надъ головами рассыпались свѣтильники. Крикъ этотъ долеталъ до небеснаго свода. Мнѣ

и звуки ея доносились сюда, какъ звукъ пчелинаго роя. Иногда выдѣлился какой-нибудь громкій крикъ, послѣ котораго обшій шумъ усиливался.

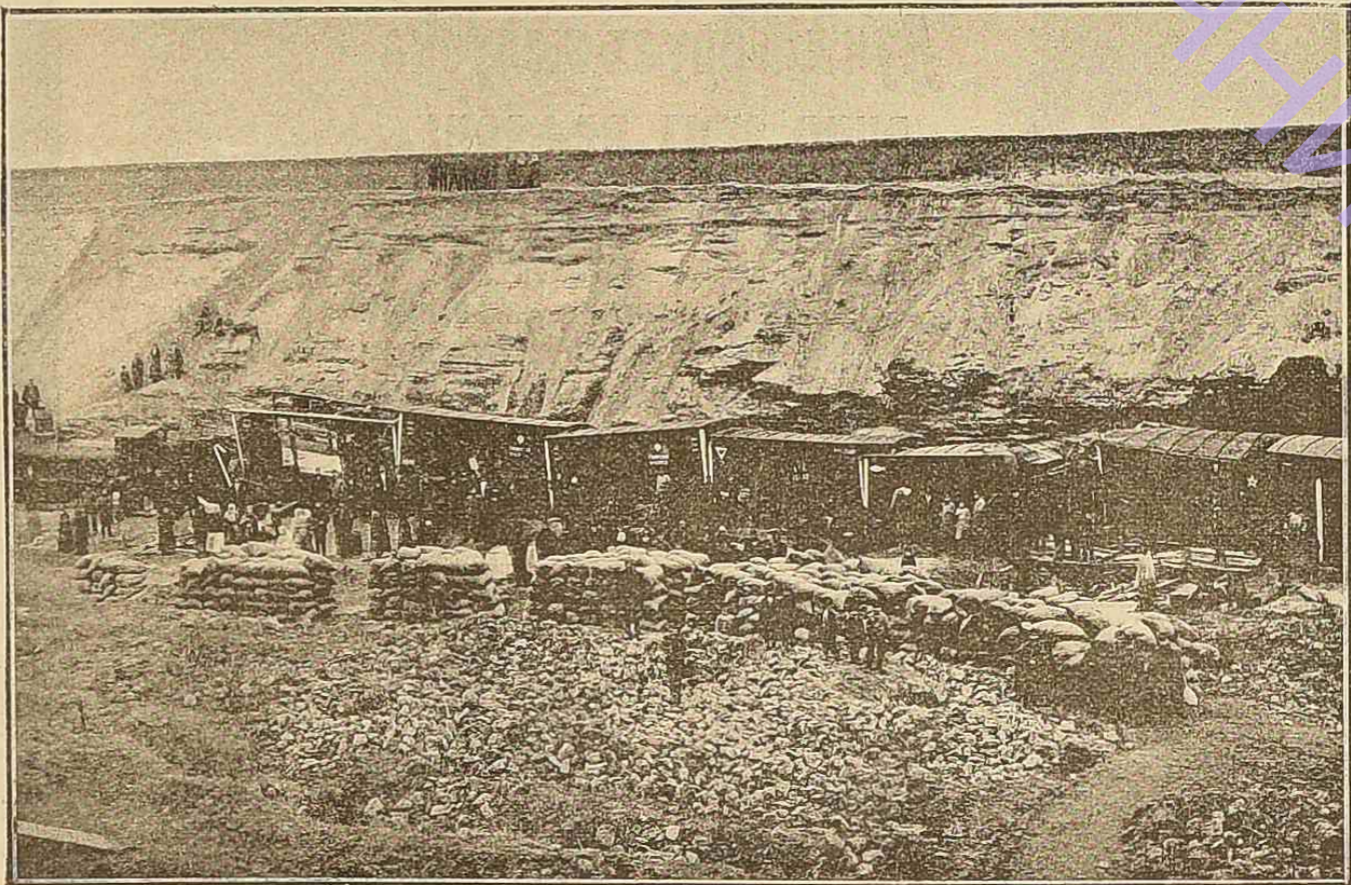
Громовержецъ нахмурилъ брови, а Гермесъ продолжалъ свою повѣсть:

„Толпа двинулась къ горамъ Кавказа. При видѣ ея орелъ закаркалъ, стремитель-

но бросился на распятого и почти весь клювъ погрузилъ въ его печень. А распятый смотрѣлъ стекляными глазами въ даль и только глухіе вздохи вырывались изъ его измученной болью груди. Но вотъ и онъ услышалъ крики толпы. Восковое лицо его вдругъ подернулось кирпичнымъ блескомъ, въ глазахъ показался огонь; онъ скорчился и попытался освободить руки, прикованныя къ скалѣ. Жельзныя цѣпи вытянулись, но не лопнули. Орелъ, испуганный криками приближающейся толпы, расправилъ крылья, и, убѣдившись, что она несмѣтна, улетѣлъ. Тогда мученикъ устремилъ свои взоры къ толпѣ. Какой-то лучъ свѣта заигралъ на его лицѣ, крикъ счастья вырвался изъ его груди; онъ на минуту затаялъ дыханіе, скорчился, дернулъ—и отвернулъ глаза... Пронесся вихрь людского плача, радости, криковъ. Какъ вздымающееся море, толпы карабкались по скаламъ. Я убѣгалъ съ закрытымъ лицомъ, чтобы меня не узнали. Я бѣжалъ сюда, къ вершинѣ Олимпа. Пробѣжавши половину дороги я услышалъ за собой голоса. Я спрятался въ расщелинѣ между скалами. Звукъ шаговъ—эхо разносило по горамъ. Кто то за моей спиной кричалъ: „Сюда—сюда!.. Здѣсь дорога на Олимпъ!.. Свергнуть ихъ, пока толпа возбуждена!.. Его ввести туда, ему дать въ руки громъ!..“ Я обернулся назадъ и замеръ. На уступѣ скалы показались свѣтъ огонька, и я увидѣлъ бѣгущія толпы, а во главѣ ихъ былъ онъ, съ факеломъ въ рукахъ, блѣдный, съ широко раскрытой грудью, облитый кровью, страшный, съ глазами, нагминающими двѣ темныя пропасти, на днѣ которыхъ гдѣ то глубоко-глубоко, какъ факелъ, горѣли зрачки. Изъ факела, который онъ неслъ, вылеталъ огонь и своимъ краснымъ пламенемъ освѣщала его нагое тѣло, а толпа, слѣдовавшая за нимъ, двигалась какъ туча, несущая разрушеніе. Тогда страхъ овладѣлъ мною, я развязалъ крылья и понесся надъ скалами вверхъ, къ безсмертнымъ“.

Онъ окончилъ свой разговоръ. Изъ мѣтальныхъ розъ долетѣли звуки музыки: это хоры съ Терпсихорой во главѣ занимались танцами. Громовержецъ приложилъ свой горѣвшій лобъ къ холодной колоннѣ, и двѣ слезы скатились по его рѣсницамъ, по лицу, по густой бородѣ, упали на золотой песокъ и засверкали на немъ, какъ двѣ звѣзды. Онъ сдѣлалъ жестъ рукой, и Гермесъ удалился.

Тогда, глубоко задумавшись, онъ сталъ снова ходить вдоль колоннады, не смотря на Аполлона, который устремилъ свои прекрасные глаза къ мѣсяцу, взялъ лютню и, перебирая струны, запѣлъ тихимъ голосомъ. Дивныя звуки, какъ вздохъ вѣтерка почесавъ по мѣтальнымъ рошамъ; свѣтъ мѣсяца дрогнулъ отъ радости. Аполлонъ пѣлъ:

Жельзнодорожная катастрофа на ст. Тирасполь 17 января с. г.

Д. А. Гайдамака.

Ю. С. Шостаковская.

А. И. Пивинская.

А. А. Жданова.

Малорусская труппа Д. А. Гайдамаки въ Новомъ театрѣ.

А. Ф. Шатковскій.

„Изъ миртовыхъ роцъ уходитъ испуганная любовь. Напрасно гонится за ней пугливые вѣтерки, напрасно перебѣгаетъ ей дорогу Цихей и наклоняетъ ее любимой рукой. Уходитъ божественная любовница вдохновения! За ней уходитъ увѣчанный Бахусъ, и, уходя, горько смѣется и трясеть головой. Онъ смотритъ на нимфъ, которыя дрожатъ, разбѣгаясь какъ стадо испуганныхъ голубей. Громовержець выпускаетъ изъ дрожащей руки непослушный громъ, склоняетъ голову къ холодной колоннѣ и слезы его падаютъ на золотой песокъ. Темнѣетъ сладкій сонъ ночи. Падаетъ Олимпъ,

и только послѣдній пѣвецъ поетъ о послѣднихъ минутахъ божественной жизни, божественной любви, божественныхъ чаръ и божественнаго пѣнія...“
Внизу, подъ туманомъ и тьмой, звукъ роя пчелъ смѣнился протяжнымъ грохотомъ. Аполлонъ продолжалъ пѣть:

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лучшій другъ желудка ВИНО СЕНЬ-РАФАЭЛЬ

предлагается какъ
тоническое, укрѣпляющее
и способствующее
пищеваренію

**БРОШЮРА О
СЕНЬ-РАФАЭЛЬСКОМЪ ВИНѢ**

какъ о питательномъ укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ,
д-ра де-БАРРЕ

высылается по требованію.
ОНО ПРЕВОСХОДНО НА ВКУСЪ.

Compagnie du vin St.-Raphael. Valence, Drome, France.

Знаменитый непобѣдимый всемирный чемпионъ-атлетъ г. Лурихъ, выступающій въ настоящее время въ Кишиневѣ, [пріѣдетъ въ недалекомъ будущемъ въ Одессу и уплатитъ своему побѣдителю премію въ 3000 руб.

ФОНОГРАФЫ С. УТОЧКИНЪ

Магазинъ, Екатерининская площадь.